

ОТЦОВСТВО: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ТРЕНД ОТ ОТЦА К ПАПЕ?

Эмпирическое знание о социальной практике отцовства довольно скудно. В гендерных и фамилистских дискуссиях стало общим местом упоминание об отсутствующем отце, что, тем не менее, увязывается и с отсутствующим объектом исследовательского желания. Отчасти это свидетельствует о феминизации как семьи, так и фамилистики в целом. Достаточно распространен сюжет о «хорошей матери», разработанный Элизабет Бадинтер, Ивонн Шютце [Badinter, 1981; Schütze, 1986], но отсутствует семантика хорошего отцовства. Более того, тема отцовства маргинальна и для направления «men's studies», по мнению Деборы Лаптон и Лесли Барклай [Lupton, Barclay, 1997].

В фокусе статьи – вопрос о современном отцовстве, отличается ли современный отец от того, кто воспитывал его лет тридцать назад, изменилось ли их представление об отцовской роли, остается ли прежним содержание отцовских практик и, вместе с этим, дискурс отцовства в обществе в целом. Последний аспект – развернутая публичная дискуссия в обществе – важен тем, что дискурсивно оформляется социальный заказ на ту или иную конфигурацию родительства, озвучиваются моральные паники по поводу дефицитарных родительских ролей и легитимируется профиль социальной политики, призванной компенсировать разрыв между реальным и желаемым как на уровне государственных потребностей, так и жизненных целей граждан. Мы обратимся к европейскому, более того, немецкому социально-культурному контексту, чтобы разведать тот ландшафт родительской культуры – отцовство, – который достаточно редко формулируется в качестве исследовательской и дискурсивной задачи в отечественной социологии, будучи сокрытой под понятием родительства в целом и подразумевающей де факто материнство. Собственно, почему выбрана Германия? Краткое, но не исчерпывающее объяснение заключается в том, что Германия, как и Россия, – страны с тоталитарным прошлым, а также обстоятельством, характеризующим типичный биографический конструкт поствоенного как немецкого, так и советского времени – феномен «отсутствующего отца». В этом отношении сюжет об авторитарной личности и эрозии автори-

тета мужчины в обществе и семье (работы франкфуртцев Адорно, Фромма, Хабермаса), а также по преимуществу знаменитая работа Александра Митчерлиха [Mitscherlich, 1963] о пути к беспаспному обществу оформляют дискурсивное поле дебатов о невидимом отце в 50–60-х годах прошлого века. В статье о новых ролях отцов немецкая исследовательница Илона Остнер упоминает, анализируя периодику, о дискурсивной связи между отцовством и нацизмом, проявляющейся в конфликтах отцов и сыновей и бунте 1968 г. [Ostner, 2002]. Она ссылается на работу Кристиана Гамперта [Gampert, 2000], который описывает пересмотр авторитета отца сыном и обесценивание всего, что связывает отца с периодом нацизма. Другой контекстуальный аспект – тематизация отцовства в связи с важными событиями середины 1960-х – например, Франкфуртским процессом 1963 г. Он документально зафиксировал признания авторов Холокоста и имел огромное значение для диалога о «немецкой вине» отцов и детей. Также в связи с молодежными протестами 1968 г., вменявшими поколению отцов вину слепого повиновения институтам. Эти события общественной жизни и дискуссий требовали ответа и самоопределения, радикально меняли поколенческую картину мира. Наконец, еще один момент, сближающий российский и немецкий контекст анализа отцовства, – переход от социалистической системы, патерналистской по отношению к семье и тем самым отчасти узурпирующей символическое значение отцовства и поддерживающей модель отца-бредвиннера. Как отмечает И. Остнер, режим восточной социальной политики фокусировался на возможности для матерей совмещать материнство и занятость, но при этом маргинализировал женатых, разведенных или сожительствующих отцов [Ostner, 2002].

Итак, на фоне общественной дискуссии, высветившей символическое значение отца в социальной истории XX в., на фоне европейской картины второго демографического перехода с его низкими матримониально-фертильными процессами и конкурентной моделью гражданского брака и доминирующей моделью двойной занятости в семье возник феномен либерализованного отцовства, отчасти как немногочисленная практика, но более как социальная гендерная потребность. Ее амбивалентный характер отражают цифры опросов общественного мнения. Так, по данным Немецкого института молодежи («От потенциального к реальному отцу», опрос К. Церле и И. Крок [Zerle, Krok, 2008] по заказу фонда Бертельсман), почти половина мужчин до 45 лет считают, что «можно счастливо жить и без детей». В то же время 90% еще бездетных молодых мужчин хотели бы детей. Похоже, с возрастом уверенность в совмещении работы и семьи с детьми тает, наталкиваясь на рифы институционального происхождения. Кстати, на российском материале исследования, построенного

на европейском сравнении отцов и матерей, была выявлена аналогичная амбивалентность мужского/отцовского сознания [Sass, Jaeckel, 1998], готовность участвовать в отпуске по уходу за ребенком как институциональной отцовской практике, но нереализуемые условия (например, сохранение прежней зарплаты или возможность подработки) согласия фактически дезавуировали саму идею.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов в Германии стали появляться работы социологов, психологов и журналистов на тему «нового отцовства». Поднимаемые вопросы касались конфликтов, возникающих на пересечении отсутствующей ролевой модели отца и образов альтернативно воспринимаемой отцовской роли. Дебатировали и сюжет отцовской компетенции: «Обладает ли “новый отец” специфически мужскими качествами или он представляет лишь несовершенную имитацию матери?» [Schneider, 1989, s. 152]. Как это часто бывает, десятилетием раньше психологи занялись эмпирическим тестированием готовности нового поколения отцов соперничать с беременностью матери; подтверждением родительской готовности отцов в зависимости от участия в подготовке рождения; характеристиками специфической интеракции между отцами и младенцами. Профиль этих задач и вопросов уже явно носил не стигматизирующий характер общественного осуждения, а отражал интерес к поведению и эмоциям мужчин, обретающих отцовскую идентичность. Хотелось бы подчеркнуть важную подстегивающую общественную дискуссию роль профессиональной журналистики в этом повороте¹. Так, в 1979 г. журналистка Рут Мартин опубликовала книгу «Отцы вне игры. Мать и ребенок в безопасном обществе», вновь обратившись к бестселлеру А. Митчерлиха, с призывом к немецким отцам не оставаться в офсайде [Martin, 1979]. Десятилетие спустя работа Вернера Шнайдера о шансах и рисках новых отцов однозначно утверждала, что «отцы, в сотрудничестве с матерями, вносят *специфический* вклад в социализацию своих детей» [Schneider, 1989, s. 152]. Но развитие дискурса о новом отцовстве затормозилось иной темой – проблемой совмещения семьи и занятости для женщин, хотя безусловно существовало и «отцовское» измерение той же проблемы. Лишь 20 лет спустя социологи Клаудиа Борн и Хельга Крюгер в их многолетнем анализе гендеризованного глобализованного рынка труда придут к важному выводу о том, что «существующая структура лишь постольку учитывает измененное отцовство, насколько оно не затрагивает доступности мужчины к рынку труда [Born, Krüger, 2002, s. 138]. То есть вопрос об «объеме и содержании отцовства» зависит не только от взглядов на отцовскую роль в обществе, но и от реальных возможностей ее исполнения, включая конкрет-

¹ В отечественной дискуссии в свое время подобную роль сыграла популярная статья демографа Б. Урланиса «Берегите мужчин!», опубликованная в 1968 г. [Урланис, 1968].

ную конфигурацию на рынке труда. И в этом смысле парадоксально выглядят данные актуальных опросов общественного мнения, о которых сообщает Хайнц Вальтер [Walter, 2008]: большинство молодых людей, собственно и молодых женщин, планируют свое будущее в виде удавшегося баланса профессионального и семейного ангажемента, но конкретные представления о реализации касаются только профессии, относительно семьи и партнерства все тонет в неопределенности.

Как сегодня представляют себе отцовство молодые мужчины. Согласно результатам исследования DJI-Bertelsmann «Пути к отцовству», молодые мужчины от 15 до 42 лет прежде всего видят себя ответственными за финансы в семье (N = 1,803) [Zerle, Krok, 2008]. Гарантированное рабочее место и доход – основа формирования семьи. Относительно высокий процент опрошенных на фоне распространенной в немецком обществе идеологии равных прав и возможностей считают, что ребенок должен появиться лишь тогда, когда они могут прокормить семью (52%). Более того, 38,7% считают, что если жена и работает, мужчина все равно должен быть основным кормильцем. Заметно, что самоопределение отцовства зависит от взглядов на гендерное распределение ролей в семье, что это «отношенческий» конструкт (*relationship concept*). В этом исследовании молодые мужчины демонстрируют скорее критическое отношение к эгалитарным ролевым моделям, против ожиданий – 47,8% за классическое «Муж работает, жена занимается детьми», причем чем выше уровень образования, тем больше эгалитаризм, чем моложе опрашиваемые, тем традиционнее их установки. Как же выглядит конкретно уточненная модель кормильца у молодого поколения: свои отцовско-мужские обязанности они формулируют как обеспечение жилья для семьи, зарабатывание для пропитания семьи, заботу о надежной работе и доходе, позднее (с появлением ребенка) находить время для него и общаться с ним. Желаемое сокращение работы после рождения ребенка, вплоть до отказа от карьеры, у 40% молодых мужчин следует оценивать пессимистичнее, так как, по данным официальной федеральной статистики, мужчины работают после рождения первого ребенка как правило, даже больше. В этом противоречии – желании большей вовлеченности в общение с ребенком, но без ограничения профессиональной занятости, Михаэль Матцнер усматривает характеристику «современного/модерного кормильца», фактически подвигающего жену к уступкам в профессии и выбирающего вторые роли в домашнем труде [Matzner, 2004].

Другой важный вопрос, подлежащий эмпирической проверке, – наличие желания молодых мужчин обзавестись детьми, в каком возрасте и при каких условиях. В рамках уже упомянутого исследования DJI-Bertelsmann сделан важ-

ный вывод: молодые люди хотят детей, и при этом желают стать отцами раньше, чем предыдущее поколение. Оптимальный возраст для отцовства видится между 25 и 28 годами, по мнению почти половины (47,6%). Еще треть (31,7%) планирует это на возраст от 29 до 32 лет. При каких же условиях реализуемо это желание относительно раннего для Германии отцовство, если учесть, что треть немцев в возрасте от 35 до 40 лет бездетны и 25% остаются таковыми длительно [Schmitt, Winkelmann, 2005], а первым ребенком немцы-мужчины обзаводятся в возрасте от 29 до 33 лет [Zerle, Krok, 2008]? С точки зрения сконденсированного смысла отцовство понимается как перенимание ответственности и забота о семье. Исходя из этого молодые мужчины готовы к нему, если выполнимы условия надежного партнерства (66,1%), гарантированного дохода (58,9%) и стабильной профессиональной позиции (56,6%). Очевидно, что вновь характеристики рынка труда с высоким риском безработицы, растянутым временем учебы, сложным негарантированным стартом в профессиональную жизнь, вследствие этого долгой экономической зависимостью от родителей ставят институциональные барьеры для реализации изменившихся по биографическому таймингу желаний отцовства.

Не менее важен вопрос о том, в какой степени участие отцов зависит от ряда стратификационных условий: социально-классовой принадлежности, регионального контекста, возраста и количества детей. Конфигурация этих факторов, будучи проверенной эмпирически, имела следующие зависимости: чем выше социальное положение, тем более ангажированные отцы. Отцовский вклад в воспитание выше у жителей больших городов, самое низкое участие у отцов из сельской среды. Молодые отцы принимают значительно более активное участие в уходе за младенцами и маленькими детьми, чем старшие, наконец, чем меньше количество детей в семье, тем больше отцовского участия. Данные результаты по исследованиям У. Шмидт-Дентер [Schmidt-Denter, 1984] находят свое подтверждение и в работах М. Петцольда [Petzold, 1991].

Эти эмпирические данные, с одной стороны, подтверждают некоторую неизменность феномена отцовства и у молодых поколений, с другой, свидетельствуют об определенных подвижках, как минимум, либерализации, и более ранней фазе биографического пространства, которое молодые люди готовы открыть для переживания отцовства. Но что остается недоступным данному типу анализа, так это образы отцовства в их динамике. Актуальная научная дискуссия по поводу отцовства, его типологии, вырастающей из галереи образов, содержит суммарно общую посылку о мультипликации отцовства, отсылки к его социальной дифференциации. Дифференциация отцовских моделей из патерналистского дискурса Патриарха как главы домохозяйства выкристаллизовала три типа

отцовской модели, сохраняющие отчасти и сегодня свое влияние [Gross, 1996; Rosenbaum, 1992].

- *Традиционный отец* – мало заботится о детях, их возвращение и воспитание в ведении матери, вторгается в процесс воспитания строго, по необходимости.

- *Социал-демократический отец* – очень интересуется развитием и повседневной активностью детей, ведет беседы, заботится о школьных успехах, детоцентричен. Его собственная внешняя социальная активность, участие в союзах и партиях ведет к наличию социальной сети контактов.

- *Мелко-буржуазный, индивидуалистичный отец* – поддерживает интенсивные контакты в контексте расширенной семьи, но мало ангажирован внутри семьи. Вследствие сохраняющейся социально-стратификационной базы эти типы обнаруживаются и в современных манифестациях отцовства. В своей работе А. Ланге и К. Церле утверждают, что здесь, с одной стороны, присутствует опора на традиционно приписываемые ответственности и обязательства, а с другой, фиксируется движение в направлении общественно желаемых форм усиленного отцовского ангажемента [Lange, Zerle, 2008].

Актуальная дифференциация пост-пост патриархатного отцовства в немецком культурном контексте, по эмпирическим реконструкциям М. Мацнера [Matzner, 2004], Х.-В. Гумбингера и А. Бамби [Gumbinger, Bambey, 2007], уже значительно более разнообразна, что отражает многообразие полей практик, реальное отражение деинституционализации жизненного пути и перенимание индивидами рисков и преимуществ индивидуального биографического проекта.

В этой галерее типов отцовства – традиционный кормилец (*breadwinner*), современный кормилец, «рефлексивный» отец, в терминах С. Уильямса [Williams, 2008]; целостный, комплексный, тотальный, почти «пама» до взаимозаменяемости с матерью, эгалитарный отец, делит обязанности по обеспечению семьи и воспитанию детей с партнершей 50 на 50, в интерпретации М. Бюргиссер [Bürgisser, 2006], так называемый генеративный отец, по работам Д. Доллахайта, А. Хавкинса, С. Бразерсона [Dollahite, Hawkins, Brotherson, 1997] и В. Фтенакиса [Fthenakis, 2002], как забота о следующем поколении и этически обоснованная и организованная работа родителя, также классическая модель отсутствующего отца в результате отклонения заботы о последующем поколении. Эта тема особенно представлена в англо-американских исследованиях, например, в работе Д. Попеное «Жизнь без отца» [Popenoe, 1996], усматривающих в отсутствии отца дефицит социализации и различные криминальные последствия от употребления наркотиков до уличного насилия. Примерно та же дефи-

цитарная парадигма простиралась вплоть до 1980-х годов и в поле анализа практик разведенных и незаботящихся отцов. Анализировались эффекты депривации детей от «Bad Dads» у Ф. Фюрстенберга [Furstenberg, 1988], когда отцы после развода больше не заботились о своих детях. Та же тень негации ложилась и на отцов, сохранявших контакт с детьми, но только в уикенд, прежде всего развлекательно-досуговой направленности – «Disneyland Dads». Смена парадигмы, содержащей оценочные характеристики, привела и к иному исследовательскому профилю, более прагматичному и интегрирующему разные поля отцовских практик в круг нормативного отцовства. Так, в исследованиях Мариам Тази-Преве было обнаружено, что дети только выигрывают когнитивно и эмоционально, если удастся реализовать в модели проживания на два дома приличный объем отцовской работы в повседневности, не сводя отцовскую роль после развода только к функции кормильца [Tazi-Preve et al., 2007]. Наконец, как реакция на разбуженный общественный интерес к фигуре отца, его эгалитарным, современным, «новым» вариациям, но и скептицизм относительно широкого воплощения из-за перегрузок профессиональной роли, было предложено Хайнцем Вальтером более трезвое прагматичное обозначение нового, эмпирически узнаваемого типажа «достаточно хорошего отца» [Walter, 2008].

Вернемся к исследованию К. Борн и Х. Крюгер, вернее, к их выводу о том, что документируемая во многих исследованиях потребность молодых отцов шире участвовать в семейной жизни разбивается «о границы института рынка труда» [Born, Krüger, 2002, s. 117]. «Новые формы отцовства должны быть не только нормативно желаемы, но и соответственно фактически оформлены – вразрез с существующей структурой рынка труда» [Ibid, s. 138]. Но не только в этом дело. Как полагает Михаэль Мойзер, расширение социального ангажемента отцовства зависит и от готовности женщин выпустить ряд домашних обязанностей из своих рук [Meuser, 2007, s. 146], т.е. одновременно и расстаться с долей влияния, авторитета внутри семьи. Поэтому не в последнюю очередь значение имеют желания и страхи самих женщин относительно своей роли хорошей матери [Lupton, Barclay, 1997, p. 147], объем авторитета которой зиждится на отправляемых функциях внутри домохозяйства, связанных с этим компетенциях, равно как и их отсутствием у других членов семьи. Ядро унаследованного от буржуазного общества проекта маскулинной идентичности – профессиональная ориентация в ущерб семейной. Но, как известно, в доминирующем образце семейной пары с двойной карьерой и двойным доходом профессиональная деятельность больше не является прерогативой мужчин, более того, для женщин выход на рынок труда и конкуренция с мужчинами имеет позитивную коннотацию завоевания, эмансипации. Напротив, мужская приватизация на-

ступает на сами основы маскулинной идентичности, конфронтируя с концептом гегемонной маскулинности и гомосоциальности. Может быть, именно через меняющееся либерализированное отцовство, выходящее за рамки гомосоциальности и отказывающееся от иерархий в семейном кругу, этот разрыв возможно будет сократить? Исходя из описанных выше тенденций, как нам кажется, нормативное отцовство может приобрести большее влияние и практику, если в публичном дискурсе будет граничить с возросшими к нему ожиданиями, требованиями, а также институциональными возможностями. Пока же повседневный мир семьи поддерживает традиционный расклад ожиданий. Кроме того, как мы знаем, решающим условием для принятия решения о семейной жизни для мужчины является полная трудовая занятость, если же эффекты деинституционализации жизненного пути приводят к разрушению нормализованных биографий с полной занятостью, хотя и с адаптацией к рискам, это, скорее всего, негативно скажется на готовности к новым практикам отцовства.

Литература

- Урланис Б. Берегите мужчин! // Литературная газета. 1968. 26 июля.
- Badinter E.* Die Mutterliebe: Geschichte eines Gefühls vom 17. Jahrhundert bis heute. 1981.
- Born C., Krüger H.* Vaterschaft und Väter im Kontext sozialen Wandels. Über die Notwendigkeit der Differenzierung zwischen strukturellen Gegebenheiten und kulturellen Wünschen // Walter, Heinz (Hrsg.) Männer als Väter. Sozialwissenschaftliche Theorie und Empirie. Gießen, 2002. S. 117–143.
- Bürgisser M.* Egalitäre Rollenteilung. Erfahrungen und Entwicklungen im Zeitverlauf. Zürich, 2006.
- Dollahite D.C., Hawkins A.J., Brotherson S.E.* Fatherwork: A Conceptual Ethic of Fathering as Generative Work. Generative Fathering: Beyond Deficit Perspectives. Thousand Oaks, 1997. P. 17–35.
- Fthenakis W.E.* Mehr als Geld? Zur (Neu-) Konzeptualisierung väterlichen Engagements // Fthenakis W.E., Textor M.R. (Hrsg.) Mutterschaft, Vaterschaft. Weinheim, 2002. S. 90–119.
- Furstenberg F.* Good Dads – bad Dads // Cherlin, Andrew (Hrsg.) The Changing American Family and Public Policy. Washington, 1988. P. 193–218.
- Gampert C.* Der entmachtete «Vater». Auszug aus Kursbuch 140 «Väter», Rowohlt, Juni, 2000. S. 161–169.
- Gross M.* Familien im Wandel – Ein historischer Abriß der Familie ab dem 18. Jahrhundert bis heute // Familie – woher, wohin? Lebensformen im Wandel der Zeit. Weimar, 1996. S. 5–16.
- Gumbinger H.-W., Bambej A.* Vaterschaft zwischen Norm und Selbstbestimmung? WestEnd Neue Zeitschrift für Sozialforschung, 4. Jg., H. 1. 2007. S. 92–101.
- Lange A., Zerle C.* Väter im Familienalltag. Die Kluft zwischen Einstellung und Verhalten // BZgA Forum Sexualaufklärung und Familienplanung. H. 2. 2008. S. 17–20.

Lupton D., Barclay L. (eds.) Constructing Fatherhood: Discourses and Experiences. L., Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1997.

Martin R. Väter im Abseits. Mutter und Kind in der vaterlosen Gesellschaft. Stuttgart, 1979.

Matzner M. Vaterschaft aus der Sicht von Vätern. Wiesbaden, 2004.

Meuser M. Vereinbarkeit von Beruf und Familie – ein Problem für Männer? Familie und Lebensverlaufsplanung bei Männern // E. Barlösius, D. Schiek (Hrsg.) Demographisierung des Gesellschaftlichen. Analysen und Debatten zur demographischen Zukunft Deutschlands. VS Verlag für Sozialwissenschaften. 2007. S. 135–150.

Mitscherlich A. Auf dem Weg zur vaterlosen Gesellschaft. Ideen zur Sozialpsychologie. München, 1963.

Ostner I. A New Role for Fathers? The German Case // Hobson B. (ed.) Making Men into Fathers : Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood. West Nyack, NY, USA: Cambridge University Press, 2002.

Petzold M. Vorbereitete und unvorbereitete Väter fünf Jahre nach der Geburt des ersten Kindes // Psychologie in Erziehung und Unterricht. 1991. 38. S. 263–271.

Popenoe D. Life without Father: Compelling New Evidence that Fatherhood and Marriage Are Indispensable for the Good of Children and Society. N.Y., 1996.

Rosenbaum H. Proletarische Familien. Arbeiterfamilien und Arbeiterväter im frühen 20. Jahrhundert zwischen traditioneller, sozialdemokratischer und kleinbürgerlicher Orientierung. Frankfurt am Main, 1992.

Sass J., Jaeckel M. (Hrsg.) Leben mit Kindern in einer veränderten Welt. Einstellungen und Lebensplanung von Eltern im Ost-West Vergleich. München, 1998.

Schmitt C., Winkelmann U. Wer bleibt kinderlos? Sozialstrukturelle Daten zur Kinderlosigkeit von Frauen und Männern. Discussion Paper 473. Berlin: Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung (DIW), 2005.

Schmidt-Denter U. Die soziale Umwelt des Kindes. Berlin: Springer, 1984.

Schneider W. Die neuen Väter. Chancen und Risiken. Zum Wandel der Vaterrolle in Familie und Gesellschaft. Augsburg, 1989.

Schütze Y. Die gute Mutter. Zur Geschichte des normativen Musters «Mutterliebe». Bielefeld: Kleine, 1986.

Tazi-Preve M.I., Kapella O., Kaindl M. et al. Väter im Abseits. Zum Kontaktabbruch der Vater-Kind-Beziehung nach Scheidung und Trennung. Wiesbaden, 2007.

Walter H. Das Echo der Vatersuche // Walter H. (Hrsg.) Vater wer bist du? Auf der Suche nach dem «hinreichend» guten Vater. Stuttgart, 2008. S. 9–44.

Williams S. What Is Fatherhood? Searching for the Reflexive Father // Sociology. 2008. 42 (3). P. 487–502.

Zerle C., Krok I. Null Bock auf Familie? Der schwierige Weg junger Männer in die Vaterschaft. Gütersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung, 2008.